

Девять жизней Роуз Наполитано

Автор:

Донна Фрейтас

Девять жизней Роуз Наполитано

Донна Фрейтас

МИФ Проза Романы МИФ. Один момент – целая жизнь

Глубокий и сильный роман о сложности выбора. Девять версий одной жизни: от научной карьеры до материнства, от семейной идиллии до развода.

Роуз Наполитано всегда знала точно: она не хочет детей. Но внезапная ссора с мужем делит ее будущее на девять возможных сценариев.

Заслуженный профессор, идеальная дочь, любящая мать, неверная супруга или счастливая жена – станет ли Роуз Наполитано той, кем никогда не хотела? Как изменится жизнь, если отпустить предвзятые представления о себе и стать кем-то совершенно новым? И какая же из всех Роуз настоящая?

Роман «Девять жизней Роуз Наполитано» стал мировым бестселлером: права на его выпуск были куплены 17 издательствами еще до выхода книги. Это глубокая и провокационная история о сюрпризах, которые несет нам будущее, о значимости выбора и о том, какую роль материнство играет в судьбе женщины.

Для кого эта книга

Для тех, кто хочет взглянуть на жизнь под другим углом и умеет удивляться.

Для читателей современной прозы и романов, поклонников книг «Семь мужей Эвелин Хьюго» и «Семь смертей Эвелины Хардкасл».

Для тех, кто любит амбициозные и провокационные истории.

Для поклонников глубоких и трогательных книг.

Для тех, кто ищет в чтении сильные эмоции.

На русском языке публикуется впервые.

Донна Фрейтас

Девять жизней Роуз Наполитано

Donna Freitas

The Nine Lives of Rose Napolitano

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2021 by Donna Freitas

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Viking, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

Моей матери, подарившей мне жизнь

* * *

2 марта 2008 года

Роуз, жизнь 3

Она прекрасна. Потрясающее совершенство. Аромат ее кожи пьянит.

– Адди, – вздыхаю я и снова пытаюсь прошептать имя в стерильном воздухе палаты: – Аделаида... Аделаида Луц.

Наклоняюсь к крошечной макушке и нюхаю, долго и жадно, не обращая внимания на резкую боль в животе. Улыбаюсь, наслаждаясь мягким пушком волос.

Как же я противилась появлению этой крохи... До беременности и родов разгневанно твердила, что меня заставляют рожать, – Люку, маме, Джилл, каждому, кто готов был слушать. Незнакомцу в метро, ничего не подозревающему прохожему. Я просто ужасно злилась.

И что же теперь?

На окна больничной палаты мокрыми хлопьями ложится снег. В тусклом свете все вокруг выглядит серым. Я сажусь немного левее, удобнее. Снаружи холодает, хлопья становятся сухими и падают густо, словно порошок.

Малышка спит.

У нее мои глаза.

– И как я могла не хотеть тебя? – шепчу я в крошечное тугое ушко, жемчужную раковину. – Какой была бы моя жизнь, если бы мы не встретились? Зачем мне такая...

Бледные, с прожилками капилляров прозрачные веки трепещут. Носик, рот и лоб сморщиваются.

– Слышала, что я сказала, милая? Знай одно: твоя мама не хочет жить жизнью, в которой нет тебя. Только это.

Часть первая. Роуз. Жизнь 1

ГЛАВА 1

15 августа 2006 года

Роуз, жизнь 1

Люк стоит с моей стороны кровати, куда обычно никогда не подходит. В руке – банка с витаминами для беременных. Он трясет ее, как пластиковую погремушку.

Звук глухой и тяжелый – банка полна.

В том и проблема.

– Ты же обещала, – спокойно говорит Люк.

Ого, да у меня неприятности.

– Иногда забываю принять таблетку, – признаюсь я.

Он снова трясет банкой, как маракасом.

– Иногда?

Лучи солнца, падающие сквозь занавески, обрисовывают контур его тела; рука, высоко поднявшая предмет, столь оскорбивший мужа, очерчена светом и сияет.

Я застыла в дверях нашей комнаты, куда шла достать одежду из комода и шкафа. Самые обыденные вещи: белье, носки, топ и джинсы. Как в любое другое утро. Я хотела унести их в ванную, чтобы принять душ и переодеться, а теперь стою, скрестив на груди руки, и сердце так и колотится от обиды и злости.

– Ты что – сосчитал их, Люк?

Мой вопрос как холодный сквозняк в теплом августовском воздухе.

– А если и так, Роуз? Если сосчитал? Будешь меня винить?

Поворачиваюсь к нему спиной и открываю длинный ящик, где хранится нижнее белье: лифчики, трусы, топы. Роюсь в вещах, нарушая порядок. Все выходит из-под контроля. Сердце бешено стучит.

– Ты обещала, – говорит Люк.

Я беру трусы – самые закрытые. Хочется кричать.

– Будто обещания в нашем браке что-то значат...

– Это нечестно.

– Очень даже честно.

– Роуз...

– Да, я не принимала таблетки! Я не хочу ребенка! Никогда не хотела, не хочу и не захочу. Ты знал это еще до помолвки. Я тысячу раз тебе говорила. Миллион раз!

– Ты согласилась принимать витамины.

– Я сказала это, чтоб ты прекратил меня мучить. – Глаза застилают слезы, хотя внутри все пульсирует от ярости. – Сказала, потому что хотела немного покоя.

– То есть соврала.

Уронив трусы на пол, я поворачиваюсь к мужу и подхожу к кровати, чтобы посмотреть ему в глаза.

– Ты клялся, что не хочешь ребенка.

– Я передумал.

– Ну правда. Конечно. Фигня какая. – Я на всех парах несусь под откос, мы вместе несемся, и я не знаю, как остановить катастрофу. – Передумал ты, а соврала я.

– Ты сказала, что попытаешься.

– Я сказала, что буду пить витамины. На этом все.

– Но не пила!

– Пила немного.

– Сколько?

– Не знаю. В отличие от тебя, я не считала.

Люк берет банку обеими руками, давит ладонью на крышку, проворачивает, открывает. Заглядывает в отверстие.

– Она полная, Роуз. – Он снова смотрит в мою сторону, качая головой.

Меня захлестывает его недовольство.

Кто этот человек? Это его я любила, вышла за него замуж?

Я почти не вижу сходства между ним и тем мужчиной, который смотрел на меня, словно я единственная женщина во Вселенной, смысл его существования. Мне нравилось быть такой для Люка. Быть для него всем. Он тоже всегда был всем для меня – мужчиной с нежным задумчивым взглядом, с самой дружелюбной и открытой улыбкой. Я верила, что стану любить его до скончания дней.

Внутри меня, как мотыльки, что не в силах найти выход, бьются слова: «Но я люблю тебя, Люк...»

И вместо того, чтобы обезвредить бомбу, я взрываюсь: выбиваю у Люка банку. Рука словно бита, ударяет сильно и высоко. Большие овальные таблетки разлетаются радугой уродливых зеленых «Скиттлз», рассыпаются по полу и белым простыням кровати.

И мы с Люком сразу будто застываем. Губы у него слегка приоткрыты, виднеется край острых белых зубов. Взгляд следит за таблетками – таблетками, что превратились в символы успеха или неудачи нашего брака, будто они – крошечные буйки, которые я должна была проглотить и таким образом удержать наши отношения на плаву. Но я их упустила – и мы пошли ко дну. Единственный звук в комнате – наше дыхание. Глаза Люка широко распахнуты. Его предали.

Он считает, это я его предала, и доказательство тому – дурацкая банка витаминов.

Почему муж не понимает, что это он меня предал? Передумав насчет детей, Люк лишь показал, что сама по себе я ничего не стою.

Опомнившись, он идет к углу комнаты, куда укатилась банка. Наклоняется и поднимает ее. Берет с пола одну витаминку, зажав пальцами, потом другую и опускает назад в банку. Они звонко ударяются о дно.

Я просто стою и наблюдаю, как Люк наклоняется и выпрямляется, наклоняется и выпрямляется, пока все витамины не возвращаются на свое законное место. Даже те, что ускакали под кровать. Люку приходится приподнять одеяло, чтобы отыскать их, лечь на пол и с усилием дотянуться.

Закончив, он смотрит на меня обвиняющим взглядом.

– Как меня угораздило жениться на единственной женщине в мире, которая не хочет ребенка?

Я делаю резкий вдох.

Вот.

Вот оно.

То, о чем Люк думал целую вечность, наконец прозвучало вслух. Дело не в том, что я не хочу ребенка. Это он знал с самого начала. Меня коробит от явного сожаления в голосе мужа. От того, что Люк назвал меня неповторимой, но в самом худшем смысле.

Мы стоим и смотрим друг на друга. Я жду извинений, однако они так и не звучат. Сердце колотится, в голове крутится вопрос Люка, а кроме него – куча моих собственных вопросов. Почему я не могу быть как все женщины, которые хотят ребенка? Почему я не такая? Почему создана иной?

Под конец жизни обо мне так и скажут?

«Роуз Наполитано так и не стала матерью».

«Роуз Наполитано не хотела иметь детей».

Люк таращится в пол. Поднимает крышку, громко ее защелкивает. Я тянусь к банке... Тянусь к нему.

ГЛАВА 2

14 марта 1998 года

Роуз, жизни 1–9

Не люблю фотографироваться.

– Можете посмотреть на меня?

Глаза, голова, подбородок – все во мне противится этой просьбе.

Я из тех, кто избегает ока камеры, прячется за соседей. Тех, кто выставляет руку перед объективом, когда он нацелен в мою сторону. Есть и другие причины, по которым я не должна быть сейчас здесь, где меня фотографируют в шапочке и мантии выпускника. О чем я только думала?..

– Кхм, Роуз?

Раздаются шаги. Затем передо мной возникают синие, потертые на носках кроссовки с рванными шнурками. Глубоко вдыхаю, выдыхаю и поднимаю взгляд.

Фотограф молодой. Возможно, мой ровесник или на пару лет старше. Он моргает, прикусывает губу и хмурится.

– Извините, – говорю я, судорожно поглаживая колени, пальцы сжимаются и разжимаются. – Наверное, хуже модели у вас еще не было.

Отвожу взгляд в сторону, в темное пространство за пределами освещенной портретной фотозоны, где я сижу. За мной развернут серый фон. У стены громоздятся коробки наподобие тех, что покупаешь для переезда. Поверх брошена синяя куртка, а на полу, у плинтуса – хоккейная клюшка.

– Глупая была идея, – продолжаю я. – Просто я подумала... То есть хотела... но потом...

– Хотели? – переспрашивает фотограф.

Я молчу. Наверное, меня не очень-то тянет беседовать с этим незнакомцем о своем внутреннем мире. Тем более я все еще глазею на сваленный повсюду хлам. Должно быть, дом принадлежит фотографу. Он назвал это «студией», но, похоже, живет здесь. Или, возможно, только что переехал.

– Так чего вы хотели? – не отступает фотограф.

Что-то есть в его голосе – негромком, терпеливом, – от чего мне хочется плакать. Мне вообще от всей этой ситуации хочется плакать.

– Я не должна здесь находиться, я не подхожу, – говорю я и все же роняю слезу. – Мне ужасно неловко, но я не люблю фотографироваться. Простите, мне очень-очень жаль.

Слезы льются сильнее, хотя феминистка в глубине души распекает меня за извинения почем зря.

Фотограф – никак не запомню его имя (Ларри? Нет... Лу? Возможно...) – присаживается на корточки рядом с моим стулом, так что глаза у нас оказываются почти на одном уровне.

– Не волнуйтесь. Многие просто ненавидят фотографироваться. Но все-таки из-за чего именно вы плачете, из-за портрета или чего-то другого?

Я внимательно рассматриваю его: в прореху на джинсах вылезает правое колено, сам парень немного покачивается от неловкой позы. Как он догадался, что я плачу не из-за фотографии? Понял ли, что все дело в родителях, которым порой нелегко принять мой выбор? Выбор женщины, которой я стала, когда выросла.

Я обнимаю себя руками. Черная мантия с бархатной отделкой плотная и жесткая. Наверняка, если ее подпереть как следует, она будет стоять сама по себе. Снимаю с головы убор и встряхиваю волосами. Прическа, наверное, просто ужас после тяжелой шапочки, тоже бархатной и синего цвета в тон отделки мантии. Я так радовалась, когда она пришла по почте, – этот символ

многолетнего тяжелого труда, символ докторской степени, которую я получу в мае, в день выпуска. Докторская степень по социологии официально сделает меня не просто Роуз, а профессором Наполитано. Доктором Наполитано.

– Кто на том фото? – Указываю я направо, вместо того чтобы ответить на вопрос.

На стене над стопкой коробок висит большой снимок в рамке. Он будто бы не на своем месте, вся обстановка в студии кажется временной, а эта фотография, напротив, незыблема и постоянна.

На крыльце бок о бок сидят двое, мужчина и женщина, у каждого – открытая книга.

Их лица такие живые, такие заинтересованные, будто в руках у них – самое захватывающее чтение в мире.

Фотограф поворачивается в ту сторону, куда я показываю, и сдавленно фыркает:

– Мои родители. Сфотографировал их, когда мне было десять. На день рождения мне подарили первую настоящую камеру, и я снимал все подряд – цветы, травинки, текстуру половиц в гостиной – весьма художественно. – Оборачивается, смотрит на меня и пожимает плечами, шутливо закатывая глаза – зеленые, с карими крапинками. – А еще сделал множество отличных кадров собаки.

Я тихо смеюсь. Напряжение немного отпускает.

– И?..

– Ах да... – Теперь он не отворачивается, продолжает на меня смотреть. – То фото... Я как раз возвращался домой. Над высокой травой порхала бабочка-монарх, я погнался за ней, пытаюсь поймать идеальный кадр. – Он закрывает глаза руками.

Мне вдруг хочется потянуться к нему, отвести руки от лица, коснуться гладкой смуглой кожи. Зря он смущается...

Руки фотографа снова падают на колени, он слегка пошатывается.

– Я был таким ботаником... Ну так вот: я во дворе, джинсы испачканы травой, устал, вспотел... А потом вдруг поднимаю голову и вижу, как родители читают на крыльце. И что-то такое было в их лицах... Я должен был это запечатлеть. Я остановился, поднял камеру и сделал единственный кадр.

– Тот кадр?

Он снова встает. Такой высокий...

– Ага. Именно из-за этого снимка я и захотел стать фотографом. Когда его увидел, сразу это понял. Мама вставила фото в рамку, чтобы я всегда помнил, кто я такой и чем хочу заниматься, даже когда наступят тяжелые времена. Начать зарабатывать фотографией не так-то просто.

Он ласково похлопывает камеру, которая стоит рядом с ним, и снова пожимает плечами.

Я склоняю голову, внимательно его разглядывая.

– Спасибо, что рассказали.

Он притоптывает ногой по полу.

– Теперь ваша очередь.

– Моя?

– Расскажите, в чем дело. Я поделился с вами, теперь говорите вы – зачем пришли на самом деле.

– Хм...

– Хм, итак?..

– Ладно... Хорошо.

Он пересекает помещение, берет стул, ставит его рядом со мной и садится. Подается вперед.

– У меня куча времени. Вы – мой единственный клиент.

Делаю глубокий вдох.

– Прежде чем я расскажу, ответьте мне еще на один вопрос.

– Конечно, валяйте.

К щекам приливает жар. Я встаю, расстегиваю мантию выпускника, присаживаюсь на место. Я просто плавлюсь от жары под этим торжественным одеянием.

– Мне неловко...

Он удивленно приподнимает бровь.

– Я забыла, как вас зовут, но раз уж мы рассказываем друг другу истории из своей жизни, думаю, лучше перейти на «ты» и обращаться друг к другу по имени. Ты точно не Ларри, может быть, Лу?

Он снова улыбается, смеется – такой хороший смех, негромкий, но глубокий, словно ему нравится смеяться, словно его легко рассмешить.

– Что ж, Роуз Наполитано, мой единственный на сегодня клиент, согласен, нам стоит звать друг друга по имени. И поскольку я твое уже знаю, ты тоже должна знать мое. – Он протягивает руку, и я ее принимаю. И кожей, всем телом ощущаю внезапный прилив сил. – Меня зовут Люк.

ГЛАВА 3

15 августа 2006 года

Роуз, жизнь 1

Моя кисть так и повисает в воздухе. Вместо того чтобы отдать мне банку или взять меня за руку, Люк снова ставит витамины на тумбочку у кровати, где я обычно их и держу, пряча за стопкой книг, которая висится рядом с подушкой. Он молчит.

Я же хочу высказаться в свою защиту.

– Я пыталась, Люк, правда.

Роняю руку, оставляя вопрос мужа без ответа. Хочется забыть об этом, нагромоздить поверх другие слова, пока вопрос окончательно не сотрется.

– Но иногда от этих таблеток у меня болит живот, а ты прекрасно знаешь, когда я болею – не могу работать. Ни выступать на конференциях, ни проводить интервью для своих исследований. – Я жду, что муж поспешит мне на выручку, поможет выбраться из опасной трясины, куда затянула нас наша борьба.

Мы еще в силах все исправить. Мои глаза умоляют.

Люк колеблется – лишь секунду, – и на эту крошечную передышку я возлагаю надежду.

Но потом муж прищуривается:

– Мне надоело слушать про твою работу, Роуз. Я устал от разговоров о ней и о том, что из-за нее мы не можем завести ребенка.

И снова она выходит на поверхность. Наша неразрешимая проблема. Желание попытаться все исправить обращается в кучку пепла.

– Я не хочу ребенка вовсе не из-за своей работы, и ты это знаешь. Я не хочу ребенка, потому что никогда его не хотела, я имею право его не хотеть! Боже, Люк, почему нельзя любить свою работу? Что плохого в том, чтобы ставить ее на первое место? Что такого плохого во мне?! – огрызаюсь я.

– Ты обожаешь свою научную деятельность, и даже если бы у нас был ребенок, ты любила бы работу больше – вот что плохо. Главное, что ребенок всегда был бы на втором месте. Да с чего я вообще взял, что все изменится?!

– Угу, а ты свою работу будто не любишь. Но тебе позволено ею болеть и наслаждаться сколько влезет, ведь ты мужчина!

Люк сжимает руками голову, локти торчат острыми углами.

– Хватит нести феминистическую хрень. Достало об этом слушать!

– А ты перестань повторять за своими родителями!

Люк упирает руки в бока, сжимая кулаки.

– Отлично. Надоело за тебя перед ними заступаться.

Я стискиваю зубы.

Родители Люка хотели бы, чтобы он женился на другой женщине, приверженной традициям, которая отказалась бы от всего, лишь бы стать матерью. Для которой ребенок был бы важнее карьеры. Люк постоянно ссорится из-за меня с родителями, следовательно, и мы с ним все время ссоримся.

В прошлом году, узнав, что получу контракт[1 - Пожизненный контракт профессора вуза без права увольнения администрацией. Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.] с университетом, я позвонила Люку прямо из своего кабинета. Муж тогда произнес правильные слова, вроде того, что вечером за ужином мы выпьем и отпразднуем это событие. Но вернувшись домой, я обнаружила, что Люк разговаривает с отцом. Он не слышал, как я вошла.

– Да, па, знаю, знаю... – говорил Люк. – Но Роуз...

Я замерла у не до конца закрытой двери – придержала створку, чтобы та не хлопнула и Люк продолжал думать, что дома один.

– Да, знаю, но Роуз одумается. С ней все будет в порядке, когда она родит ребенка.

Последовала длинная пауза.

У меня заболела грудь, заболели ребра, заболело сердце. Окажись под рукой стакан, тарелка, что-нибудь бьющееся, я бы схватила это и расколотила об пол. Мне хотелось кричать.

Наконец Люк заговорил снова:

– Знаю, ты думаешь, что для нее на первом месте работа, но я уверен, ребенок все изменит. – Молчание. – Знаю, ты не согласен, но все же дай Роуз шанс. – Снова молчание, затем долгий разочарованный вздох и следом вспышка гнева: – Пап, хватит, а?

Из моей тяжелой, битком набитой сумки выпала книга и с грохотом ударилась об пол.

– Роуз! – крикнул Люк. – Это ты?

Я громко захлопнула дверь, делая вид, будто только что пришла.

– Да, я дома! Готова выпить по коктейльчику!

– Мне пора, пап, – сказал Люк.

К тому времени, как я ступила в гостиную, он уже повесил трубку и положил телефон на стол.

Люк пристально посмотрел на меня, а я посмотрела на него. Щеки у мужа покраснели.

– Привет! – Я постаралась радостно улыбнуться, чтобы всколыхнуть в душе то волнение, которое рвалось из меня весь день после получения новостей. Мне хотелось вернуть это ощущение. Я чувствовала себя обманутой. Разговор Люка с отцом уничтожил мой миг торжества.

– Много ты слышала? – спросил Люк.

Я перестала растягивать губы в фальшивой улыбке.

– Достаточно. Слишком много.

– И как думаешь, что ты слышала?

Я опустила сумку на стул.

– Не надо так со мной, Люк. Я знаю, о чем вы говорили.

– Так расскажи мне.

– Очередной виток беседы, которую ты ведешь с родителями: раз я не хочу ребенка, значит, я плохая, неполноценная женщина и всегда такой останусь.

– Мы этого не говорили.

– Ну да. Еще я слышала, как мой муж не стал спорить с родителями и отказался им сообщить, чтобы отцепились от его семьи, а также прекратили хаять жену.

– Я защищал тебя.

– Да, но почему ты вообще должен за меня заступаться? Почему твои родители в принципе обсуждают наш брак? Это совершенно не их дело!

– Я стараюсь изо всех сил. Ты же знаешь, как они переживают. Это ведь мои родители, я их люблю!

– Что ж, ты знаешь, как я переживаю, я – твоя жена и люблю тебя! – Я рывком сорвала с шеи шарф и швырнула на стол.

Люк сделал глубокий вдох и выдох.

– Ты же знаешь, что и я тебя люблю.

Я сбросила туфли, они с грохотом ударились об пол.

– А еще ты сказал родителям, что я одумаюсь насчет ребенка.

Люк поднял шарф и начал складывать его, разглаживая тонкую ткань. Этот шарф – прошлогодний подарок мужа – был моим любимым. И вот Люк протянул его мне.

– Я просто пытался вынудить их оставить нас в покое, – тихо сказал он.

Я не взяла шарф. Вообще не шелохнулась.

– Роуз, пожалуйста... – начал Люк, – давай сегодня не будем. Нам нужно отпраздновать твою победу. Пойдем куда-нибудь сходим.

Мои глаза застывают, все тело каменеет – мускулы, клетки, конечности и в особенности щеки, – пока я стою и смотрю на мужа, обуреваемая чем-то похожим на ненависть.

Может, это и была ненависть. Ее первые уродливые семена. Семена, что станут расти, подобно лианам, пока мы оба не задохнемся.

– Что-то мне больше не хочется праздновать, Люк.

– Не будь такой...

– Какой такой – плохой? Сложной в общении? Злой?

Мой голос, тон повысился до крика. Мне хотелось просто стоять и орать. Испустить бесконечный вопль гнева, освободиться от запленившего всю мою жизнь ощущения ловушки. Я хотела выплеснуть ярость, но сдержалась.

Вместо этого я, словно капризное дитя, отправилась в спальню и начала грохотать там дверцами шкафов и ящиками, переодеваясь из рабочей одежды в

спортивные штаны и толстые уродливые носки, больше похожие на тапочки.

«Вот тебе и поздравления!» – злилась я тогда...

* * *

– Это невозможно, – говорит Люк, нарушая тишину. – Ты невыносима.

Я наблюдаю, как муж проходит мимо меня из спальни, слышу, как он идет по гостиной, босые ступни шлепают по деревянному полу. Люк открывает одежный шкаф возле выхода. По пути обратно шум его шагов сопровождается гул колес, тихий и неумолимый. Чемодан.

Люк еще раз проходит мимо меня, таща чемодан за собой. Самый большой из всех наших. Как раз влез бы труп – так мы всегда шутили.

Люк останавливается у комода, где лежит его одежда – все сложено аккуратно, организованно, не то что в моих набитых битком ящиках. Хаотично свернутые комком пижамы и бюстгалтеры, мешанина шелка и атласа.

Люк поднимает чемодан на кровать, взвизгивает застежка-молния, я слышу, как руки мужа выдвигают деревянные ящики. Когда-то я обожала прикосновения этих рук, но то чувство давно угасло. Руки Люка берут стопки футболок, джинсов, трусов и складывают в открытый чемодан на колесиках. Муж опустошает второй ящик, затем третий, кладет носки, еще трусы, переходит к шкафу со свитерами и рубашками, пока в чемодане больше не остается места для одежды, для еще одной частицы Люка.

Он взял все, что смог унести.

Он так и не посмотрел мне в глаза.

Я перевожу взгляд на мою фотографию на прикроватном столике Люка.

На ней я смеюсь – голова откинута, рот приоткрыт. На толстом сером свитере и темных волосах искрится снег, потому что Люк секунду назад попал в меня

снежком. Он сделал этот кадр в день нашей помолвки. Из всех моих фотографий Люк больше всего любит эту.

Сегодня он не касается ее, даже не смотрит.

Я думаю о других своих фото, снятых Люком, о нас, о том, как он превратил меня из человека, который ненавидит фотографироваться, в того, кто может этим наслаждаться. По крайней мере, когда за камерой Люк. Вспоминаю, как он впервые сфотографировал меня, как получасовая фотосессия растянулась на целый день – день, что перетек в жизнь.

И моя ярость и гнев начинают таять.

На свой выпускной я хотела преподнести родителям особенный подарок, нечто материальное, что можно повесить на стену, что станет поводом поговорить о моей докторской степени. Я выбрала Люка – его услуги стоили недорого, а студия находилась недалеко от моей квартиры. Во время фотосессии мы разговорились. Он пытался избавить меня от страха перед камерой и в итоге убедил рассказать ему истинную причину слез.

И я рассказала.

О том, как после защиты диссертации я переплела один экземпляр и подарила родителям. Они на нее посмотрели, прочитали название на обложке, тем все и кончилось. Мама нашла верные слова: «Что ж, Роуз, поздравляю тебя с огромным достижением. Теперь у нас в семье есть целый доктор». Но за фразой скрывалось недоумение: мама не совсем поняла, каким именно доктором я стала.

Мои родители никак не могли взять в толк, зачем так стараться получить степень, ведь вполне хватило бы диплома университета. Моему отцу, плотнику, вообще-то и того не посчастливилось добиться. Мы с родителями были близки, регулярно виделись и общались, и все же докторантуру почти не обсуждали. Когда бы я ни начала делиться тем, что изучаю, особенно с мамой, она слушала с интересом, а потом ее внимание ослабевало, и мать смущенно говорила что-то вроде «Я и половины не понимаю, Роуз».

Я рассказала Люку, как люблю родителей, и как они меня любят, и как мне хочется, чтобы диссертация, которая стала важной частью моей жизни, нас еще сильнее сблизила, но связь пока остается туманной. Я мечтала стереть дистанцию между нами, потому и пришла фотографироваться в студию Люка, будто это способно уничтожить разрыв.

– У меня идея! – предложил Люк, когда я все же дошла до конца своей истории.

Взяв мою докторскую мантию, он повесил ее в шкаф, оставил шапочку на стуле и попросил отвезти его в университет, где я училась.

– Хорошо, – согласилась я, поразмыслив.

Почему бы и нет?

Стоял замечательный полдень, не очень ясный, прохладный и пасмурный, зато не было дождя.

Люк рассказал, что в облачную погоду фотографии получаются лучше, чем на ярком солнце. Мы приехали в кампус. Я водила за собой Люка, и мне было неловко.

– Покажи мне все, – велел он. – Каждую аудиторию, любимый стол в библиотеке, любимую скамейку во дворе, зал, где ты защищала диссертацию. Устрой мне экскурсию по своей докторантуре и расскажи, почему она тебе так понравилась.

Чем дольше мы гуляли по кампусу и чем больше разговаривали, тем быстрее я забывала, что Люк снимает. Фотосессия шла четыре часа, а потом плавно перетекла в ужин – за мой счет. Я настояла.

Вот фото того дня: я иду по коридору своего факультета, смотрю на полку с монографиями, крепко обнимаю свою диссертацию в зале, где ее защищала, ищу книги в библиотеке, в секции социологии, разговариваю с некоторыми любимыми профессорами... И еще замечательный и радостный кадр: я и мой научный руководитель. Снимки получились забавные, веселые и очень «мои». Увидев их, я даже глазам не поверила. Лучшие Люк собрал в альбом с надписью на обложке: «Моим родителям с любовью, Роуз Наполитано, доктор наук».

Мама и папа уселись с альбомом на диван. Они расспрашивали меня о каждой фотографии, а я рассказывала.

– Солнышко, эта – моя любимая, – улыбнулся папа, показывая на фотографию со мной и моим научным руководителем. – Может, вытащим ее? Я сделаю рамку, и мы повесим фото в гостиной.

Я пригласила Люка еще раз на ужин, чтобы отблагодарить за усердные старания, за то, что сотворил нечто особенное и помог моим родителям лучше понять, кем стала их дочь. Ну и вообще... мне хотелось увидеть его снова.

Я рассказала, что альбом очень понравился маме и папе – они задали мне кучу вопросов о докторантуре, – и Люк кивнул.

– Я не слишком-то люблю портреты, – сказал он. – Мне кажется, лучшие фотографии – те, где мы просто живем и находимся в комфортной обстановке, в которой больше всего похожи на самих себя. А для тебя это – твой университет, Роуз.

Я взглянула на Люка. Я уже его любила.

* * *

Мой муж кладет последнюю пару джинсов поверх остальных вещей и застегивает чемодан.

– Куда ты пойдешь? – удастся выдавить мне. В горле совсем пересохло.

Тело обмякает, горбится, будто что-то притягивает его к полу, плечи скрючиваются, шея клонится.

Люк смотрит на свой чемодан, на блестящую темно-синюю искусственную кожу.

– Я не могу, Роуз. Просто не могу.

– Что не можешь?

– Не могу остаться. Не могу быть твоим мужем.

Я тут же резко выпрямляюсь – колени, плечи, бугры позвоночника вдоль спины; напрягаются локти, запястья, пальцы.

– Ты бросаешь меня из-за банки витаминов?

Люк поворачивается ко мне, внимательно смотрит. Этот взгляд я много раз видела в прошлом году. В нем ощущение собственной правоты, решимость и горечь из-за женитьбы на женщине, которая отказывается принести все в жертву ребенку.

А цена этой жертвы, как я теперь понимаю, – Люк.

– Нет. Я уйду, потому что хочу ребенка, а ты нет, и я не знаю, как это уладить.

– Раньше мы друг друга понимали, – покоряясь, глухо отвечаю я. – Ты меня понимал.

Люк с трудом сглатывает. И слегка покачивает головой. С громким стуком он снимает чемодан с кровати на пол. Берется за ручку, наклоняет и катит за собой к выходу из комнаты.

Я иду следом, но словно плыву, точно не знаю, мое тело и разум будто существуют отдельно друг от друга. Но двигаюсь – уж в этом я уверена. Иду вслед за Люком через гостиную, потом мимо длинного кухонного острова, который мы установили два года назад, ведь я люблю готовить, и мне необходимо было больше пространства для этого занятия.

И вот Люк уже в тесном коридоре у входной двери. Сует ноги в ботинки, берется за замок и с громким щелчком его поворачивает.

– Пока, Роуз, – говорит он, стоя спиной ко мне.

Светло-голубая рубашка мужа с длинными рукавами будто флаг капитуляции, сигнализирующий, что это конец. Битва подошла к концу.

– Куда ты? – спрашиваю я снова.

– Да какая разница, – только и отвечает Люк.

Затем я наблюдаю, как он выходит за металлическую дверь нашей квартиры, и створка за ним закрывается. Слышу, как щелкает замок, как поднимается на наш этаж лифт, дверцы открываются, раздаются шаги Люка, и лифт с жужжанием уносит его в вестибюль, а затем наступает тишина, бесконечная тишина. Ни шагов, ни жужжания лифта, ни гула колес чемодана, что катятся по деревянным половицам и бетонному полу.

Это белый шум одиночества, гул тишины после ухода мужа, когда тебя бросили и у тебя осталась только работа. Этот звук означает, что я не мать, что я отказалась от материнства, – такова тишина моего будущего. Пройдет много времени, прежде чем я с ней свыкнусь.

ГЛАВА 4

22 сентября 2004 года

Роуз, жизни 1–9

– Роуз, давай кое-что обсудим... – говорит Люк, забрасывая в рот очередной ролл с тунцом. Муж держит палочки наготове, чтобы подхватить следующий.

Роллы с тунцом – его любимые. Пряные хрустящие, не хрустящие, рисом наружу, рисом внутрь. Иногда Люк ничего кроме них не заказывает.

– Сет пряных, сет обычных и... еще один сет обычных, – сообщает он официанту.

Меня всегда забавляет такой заказ, а потом мы смеемся вместе.

Одна из глупых привычек, которые ты любишь в человеке просто потому, что он самый дорогой на свете.

Я так увлеклась собственным набором роллов – куча лосося, немного с угрем, немного с желтохвостом, – что не обратила внимания на серьезный тон мужа.

– Поделись со мной тунцом, – рассеянно говорю я, указывая палочками на его тарелку. – У тебя их по меньшей мере два десятка.

Люк берет пряный хрустящий ролл и кладет мне.

– Ты хоть слышала, что я сказал, Роуз?

Я улыбаюсь.

– М-м, наверное. – Я расслаблена, наслаждаюсь праздничным ужином. На прошлой неделе снимки Люка впервые опубликовали газеты по всей стране. С тех пор ему начали поступать предложения более престижной работы. – Извини. Так о чем ты?

– Я много думал о детях, – говорит он.

Я откидываюсь на спинку кресла.

– О детях? – Я потрясена, само упоминание об этих созданиях будто появление единорога среди ресторанной публики. Невероятно.

Люк кладет палочки на небольшое блюдечко для соевого соуса.

– Возможно, ты все же когда-нибудь изменишь мнение насчет ребенка? Ну, знаешь, чтобы в нашей жизни появилось нечто большее, помимо работы и друзей... Я тут подумал... кхм... мы можем снова обсудить этот вопрос.

Он говорит это так отрывисто, так многословно, что, если бы нечто подобное написал в докладе один из моих студентов, я бы оставила пометку с требованием переписать для ясности.

Хуже всего, что я ненавижу подобные вопросы. И Люк знает, как сильно я их ненавижу.

Когда я сообщаю людям, что не хочу детей, что мы с Люком не планируем их заводить, меня всегда награждают особенным взглядом. Потом говорят нечто снисходительное, якобы, став матерью, я пойму, в чем мое предназначение. Словно мы, женщины, по определению должны быть только будущими матерями. Словно повзрослеть, стать женщиной можно лишь через материнство. Будто это скрытое генетическое заболевание, которое проявляется по достижении определенного возраста. В конце концов женщины понимают, что оно было заложено в них с самого начала, просто не сразу дало о себе знать.

Меня это бесит.

Люку никто ничего подобного не говорит.

Приподнимаю брови, чувствуя, как они взлетают на лоб.

– Поменяю мнение насчет ребенка? – Голос становится на октаву выше. – Эй, мы вообще знакомы?

Я смеюсь. Шутка не удалась. И вновь я замечаю, какой серьезный вид у Люка.

– А что, ты передумал?

Люк берет долгую паузу. Этого хватает, чтобы меня замутило. Я тоже откладываю палочки, но делаю это слишком торопливо: одна из них падает со стола на пол. Я не тружусь наклониться и поднять ее.

– Ну... Я тут подумал: мне бы хотелось, чтобы у нас был ребенок, – отвечает Люк.

Я приоткрываю губы. Прерывисто дышу, рот пересыхает.

– Хотелось бы?

Он пожимает плечами.

– Просто переживаю, что, если не заведем ребенка, с возрастом об этом пожалею, – медленно, отчетливо проговаривая каждый слог, произносит Люк.

Промчавшийся мимо официант кладет на стол еще один набор палочек. Я вся словно горю. Не знаю, что ответить. Вернее знаю, но если произнесу это вслух, ссора неминуема.

Но потом я вижу на лице мужа печаль и протягиваю через стол руку, глядя ему прямо в глаза.

– Ты знаешь, как я к этому отношусь, Люк. Не хочу заканчивать вечер ссорой. Я очень тебя люблю.

– Роуз... – Люк так тяжело вздыхает, что кажется, он вот-вот рухнет на стол. – Я тоже не хочу ссориться.

На самом деле я намеревалась закрыть эту тему. Но, похоже, Люк понял все по-своему.

– Ты можешь просто об этом подумать? Насчет ребенка? О том, чтобы изменить мнение? Когда мы с тобой начали встречаться, я говорил, что не хочу детей, и в то время правда в это верил. Мне и в голову не приходило, что мои чувства станут иными. Но потом у Криса родился малыш, – продолжает Люк, объясняя, как на него повлияло то, что его приятель из колледжа стал отцом. – А потом я фотографировал семьи других друзей, которые обзавелись детьми. И теперь только и думаю, что было бы, если бы мы с тобой родили ребенка... Разве не чудесно посмотреть, каким выросло бы наше дитя? Тебе не кажется, что наш малыш стал бы потрясающим?

Нет, нет, нет. Потому что я никогда не хотела ребенка.

– А тебе этого не хочется?

Нет. Ни за что. Никогда.

Я изо всех сил стараюсь услышать мужа, принять его доводы, почему он все же передумал. Аргументы Люка кажутся абсолютно разумными. Они такие и есть. Я понимаю, как вышло так, что в двадцать ты веришь в одно, а с течением времени осознаешь, что совсем в другое.

Проблема не в этом: Люк хочет, чтобы я прониклась его доводами и перечеркнула собственные принципы, которые диктуют мне совершенно противоположное. Ради осуществления новой мечты Люка – завести детей – я должна стать той, кто ему этих детей родит.

Мне следовало догадаться, что такой разговор неотвратим. Знаки появлялись и до сегодняшнего вечера. Они чуть ли не сиреной ревели. И что я предприняла? Закрыла на них глаза – вот что. Но перемены в Люке тоже происходили постепенно. Достаточно незаметно, чтобы позволить мне их отрицать, – что я и делала, причем уже некоторое время. Это все равно, что решить: если отрицать рак, пожирающий ваше тело, то он вас не убьет.

Мне вспоминается, как мы с Люком бродили за руки по району Трастевере в Риме, взяв наконец такой необходимый нам отпуск. Вдоль улицы выстроились рестораны с уютными террасами, люди пили вино, ели вкуснейшую пасту. Царила жара и влажность, но меня это не беспокоило. Мы то и дело сталкивались друг с другом, как часто случается, когда парочки наслаждаются неторопливой прогулкой.

Крошечная арендованная квартира, где мы остановились, располагалась на крыше дома. Она практически вся состояла из террасы, что нам очень нравилось.

К тому времени мы уже были женаты несколько лет. Радовались отпуску и ничегонеделанию, до обеда отдыхали с книгами и журналами на террасе, а всю вторую половину дня ели и пили до отвала, до головокружения.

Чуть раньше в тот день я валялась в тени, почитывая детектив, когда ко мне решил присоединиться Люк. Он поцеловал меня, один поцелуй перерос во множество, а затем мы занялись любовью. Сначала переживали, вдруг нас кто-нибудь увидит, но потом наплевали на все.

Казалось, это второй медовый месяц.

– Надо бы почаще так, – намекнула я мужу, пока мы брели по улице. Давно у нас такого не было. Я думала, для того мы и приехали сюда – освежить отношения, заниматься любовью посреди дня, если захочется, – я надеялась, что нам

захочется. – Нужно это делать, скажем, каждый день, пока мы здесь.

– Соседям может не понравиться, – сверкнул глазами Люк.

– Мы будем осторожны. Нас никто не заметил!

– Тогда стоит быть осмотрительнее, – ответил Люк, но я поняла, мое предложение понравилось. Пришлось ему по душе.

Мы рассматривали меню, вывешенные возле ресторанов, читали одно, затем шли дальше, обсуждали следующее. Желудок урчал, требуя пасты, а горло жаждало вина, которое мы будем пить.

А потом Люк заметил:

– Глянь-ка... – Он указал на группу детей, мальчиков лет примерно семи или восьми, которые играли в футбол посреди улицы. – В Америке дети больше так не делают. Не играют вот так.

– Наверное, нет, – отозвалась я.

И больше ничего не сказала.

Люк остановился у скамейки.

– Может, присядем?

– Давай, – согласилась я, хотя все мысли были только о еде.

Люк завел разговор об играющих в футбол мальчиках, и от тревоги кровь чуть быстрее побежала по моим венам. К тому времени родители мужа стали спрашивать, когда же мы заведем детей. И чем больше он старался отделаться от вопросов, тем сильнее становилось давление. Бывало, Люк жаловался – так сильно его раздражали родственники, но потом прекратил. Сначала я думала, что ему удалось до них достучаться и родители наконец научились уважать наше решение, ведь о нем было известно с самого начала, еще до того, как мы поженились.

Тогда ни один из нас не понимал, что родители не поверили в серьезность наших намерений. Похоже, мать Люка, Нэнси, решила, что именно я начну просить ребенка, и когда мы приезжали их навестить, заводила со мной об этом разговоры. Но я всегда их пресекала – решительно, настойчиво – нет и нет, не обсуждается. Я не поддалась, и тогда они вместе с мужем, Джо, принялись обрабатывать сына.

Сперва я испытала облегчение. Подумала, пусть они лучше Люку читают нотации о радостях деторождения, однако через какое-то время поняла, что их аргументы и давление начали влиять на него.

Люк стал указывать мне на детей вокруг, их родителей, чем они заняты, как общаются, комментировать все происходящее, стараясь вызвать у меня реакцию. Заводить разговоры о детях, об их воспитании, о том, как с ними справляются их родители. Как мне кажется, они довольны своими отпрысками? А их поведением? Нравится ли мне, как родители разговаривают с детьми, как позволяют тем себя вести?

Люк словно выуживал что-то из меня, забрасывая леску прямо в мое тело, в мозг, пытаюсь понять, что попадется. Мне не нравилось, как он копается, ковыряется во мне своим острым крючком. Я думала так: если не буду отвечать всерьез, муж наконец сообразит, что ничего не добьется. Я верила: Люк меня не подведет.

Мы долго сидели на скамейке. Люк наблюдал, как дети играют в футбол, я смотрела на взрослых, что сидят на террасах ресторанов, потягивают вино и едят пасту. Я пыталась унять нарастающее внутри нехорошее предчувствие, но потом мимо прошла мать с привязанным к груди ребенком, затем другая – эта держала сразу двоих, по одному в каждой руке. Внезапно матери и младенцы оказались повсюду. Я закрыла глаза.

– Ты бы предпочла растить ребенка здесь или в Америке? – спросил Люк. – Ну то есть, если бы захотела родить малыша. Чисто теоретически.

Каждый раз, как он проделывал нечто подобное, эффект оказывался мгновенным: я полностью отключалась, забывала о том, как мы занимались любовью, чувства стирались, мне хотелось лишь выставить руки, ограждая себя от Люка. Неужели он не понимает, что отталкивает меня? Что лишь по этой причине мы редко занимаемся радостным полуденным сексом? Почему Люк не

замечает, как от меня отделился? Что он творит со мной – с нами?

Я покачала головой, но не выдала истинных мыслей.

Нет: я не хочу растить ребенка ни здесь, ни там, потому что вообще не хочу ребенка, и ты это знаешь, точка.

– Возможно, если бы мы переехали за город, все пошло бы по-другому... – продолжил Люк. – Было бы легче. Ну, знаешь, если бы мы жили в одном из городков вроде тех, где выросли сами.

Нет, все еще нет.

– Мхм.

Отвечать по-настоящему я отказывалась. Люк и сам прекрасно все знал и в повторении не нуждался. По крайней мере мне так казалось.

Видимо, я ошибалась.

* * *

– Не уверен, что фотография – это все, что мне нужно в жизни, – говорит Люк. – Понимаешь?

Киваю для вида. Но мысленно все это время качаю головой: нет, нет, нет. Ничего я не понимаю. И да – я думала: все, что тебе нужно, Люк, – это я.

Лицо мужа светлеет. Похоже, он вновь дышит.

– Я так рад, что ты понимаешь, Роуз. Что стараешься взглянуть на это непредвзято. Рассмотреть возможность.

Мои глаза от удивления распахиваются.

– Хорошо, хорошо, – глупо бормочу я. – Я подумаю.

Нет. Нет. Никогда!

– Спасибо, – говорит он, доедая последний ролл с тунцом. – Спасибо.

Тем временем моя тарелка остается нетронутой. Снова киваю, едва-едва. Я и пошевелиться почти не могу. Кажется, меня сейчас вырвет.

– Ну так что, вроде бы у тебя неплохие шансы получить грант? – радостно спрашивает муж, меняя тему. – Это просто здорово!

Я пытаюсь подыскать слова. Наконец нахожу и механически отвечаю:

– Да. Видимо, так. Здорово.

Разговор, почти односторонний, продолжается. Люку приходится поддерживать его за двоих. Мы расплачиваемся по счету, возвращаемся домой, и муж принимается разглагольствовать о поездке в Бостон, куда собирается в конце недели, о том, как ему нравится тунец в нашем ресторане, какая свежая там всегда рыба.

– Роуз, я так рад, что мы поговорили, – заявляет он, когда мы отправляемся в постель.

Я смотрю на него и вижу свое фото на прикроватном столике мужа. Изгиб его тела пересекает наискось мое счастливое лицо. Люк ждет, что я что-нибудь скажу. Наверное, соглашусь с ним. Но мне лишь снова удастся с трудом кивнуть и погасить свет. В темноте я не смыкаю глаз. Мне одиноко, пусть даже Люк лежит рядом. Словно наше будущее предопределено, словно мы уже разочаровались друг в друге и он ушел.

ГЛАВА 5

2 февраля 2007 года

– Профессор Наполитано? – Оторвавшись от раскладывания книг и документов, я поднимаю взгляд. Только что окончился курс по методике феминизма в социологии.

На него записывались двадцать студентов, почти все женщины – пылкие, увлеченные, искренние. Порой мне хочется их обнять, передавая стойкость и мужество, прежде чем отпустить в не такой искренний большой мир за дверями аудитории.

Передо мной стоит моя студентка, Джордана, и говорит:

– Я хотела спросить, что вы думаете о...

Я слышу ее, но не совсем понимаю слова, не улавливаю смысл, потому что думаю о Люке, нашем браке. Муж все еще не вернулся домой. Когда занятия подходят к концу, этот факт всегда всплывает в сознании, ведь больше меня ничто не отвлекает. Я думаю об этом постоянно.

Джордана хмурясь ждет ответа, но я не имею представления, о чем она спрашивала. Ее большие, как у совы, глаза из-за крупной оправы очков кажутся еще огромнее.

– Профессор?

Я поворачиваюсь к окну, отрывая взгляд от взгляда студентки, чтобы собраться с мыслями. К стеклу прижимаются голые ветки клена, некогда усеянные красными осенними листьями, за ними – лишь серый мрак дождевых облаков. В прошлом году у Джорданы умер отец. Я помню, когда это случилось, его смерть отражалась в глубине ее глаз, точно осколок. Горе, потеря, боль и стойкость, с которой она все это переносила.

Усилием воли заставляю себя снова на нее посмотреть. Да, так и есть, я все еще это вижу. Печаль. Она всегда в глазах Джорданы, даже когда та чем-то увлечена, например нашими лекциями.

Неужели у меня тоже все видно по лицу?

– У вас все хорошо? – спрашивает она.

Я открываю рот и закрываю. Не знаю, что сказать. У профессора Наполитано все плохо. Каждый день после занятий она возвращается к себе в кабинет, тихонько притворяет дверь и плачет за столом. В его глубоких ящиках хранятся большие коробки с салфетками. Не те веселенькие квадратные коробочки скромного любительского размера, нет. Длинные прямоугольные блоки промышленного типа, которые следует снабдить этикеткой: «Идеальное подспорье в случае, когда вас бросает муж».

– Так мило, что ты спрашиваешь, Джордана. Но со мной все хорошо. – Конечно нет. Вовсе нет. – Правда. Спасибо. Так о чем ты говорила?

* * *

Чуть позже в тот день я сижу в кабинете и читаю работы студентов, изо всех сил стараюсь сосредоточиться. Вдруг звонит телефон, и высвечивается номер Люка. Быстро снимаю трубку.

– Привет, – говорю я почти шепотом.

– Привет, Роуз, – так же тихо отвечает он.

– Как дела? – спрашиваю я.

– Все хорошо. А у тебя?

Колеблюсь, а потом все же решаюсь:

– Я скучаю.

– Знаю. – Люк тоже медлит. – Я тоже скучаю...

– Правда?

На том конце провода – тишина.

Я жду. Жду, что Люк ответит «да». «Да, Роуз, я так по тебе скучаю. Да, Роуз, я понял, что не могу без тебя. Да, Роуз, я возвращаюсь домой, мне не терпится вернуться». Я хочу, чтобы Люк снова стал таким, как раньше, тем мужчиной, которому нужна была я одна, а не в придачу с ребенком, мужчиной, за которого я вышла замуж. Я так сильно этого хочу... Поэтому все еще жду, что он ко мне вернется, к той Роуз, которую любил.

А я здесь, я прямо здесь.

В августе прошлого года, когда Люк покинул нашу квартиру, я тщательно подготовилась к началу семестра, написала учебные планы, скопировала их до первого дня занятий, когда копировальный аппарат без конца ломается.

Я начала преподавать, потом продолжила, совершая ежедневные поездки из нашей пустой квартиры на работу и обратно, чтобы лечь одной в постель.

В январе я проделала все заново. Написала планы, затем их скопировала.

Я по-прежнему надеялась, что мы с Люком сумеем найти выход. Начался февраль, еще один новый месяц, а мы так ни к чему и не пришли. Пока нет.

Я все время думала о той банке витаминов, о нашей ссоре, прокручивая события в голове, каждый раз пытаюсь мысленно изменить какую-то деталь, что привело бы к несколько иному результату. В большинстве вариантов Люк оставался. Но почти всегда оставался он и менял мнение по одной причине: сдавалась я. Извинялась, обещала пить витамины и родить такого желанного для мужа ребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Пожизненный контракт профессора вуза без права увольнения администрацией.
Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.

Купить: https://tellnovel.com/ru/freytas_donna/devyat-zhizney-rouz-napolitano

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)